

Любовь Чернышева

В АЛЬЯНСЕ СО ВРЕМЕНЕМ: ПОЛИТИКИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ ЗАСТРОЙКИ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Статья исследует, как время и материал (дерево) участвуют в политике сохранения деревянного архитектурного наследия в российских городах. Опираясь на данные 35 полуструктурированных интервью с чиновниками, активистами, историками, реставраторами и жителями деревянных домов, проведенных в Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме в 2024 г., автор анализирует, как темпоральность материала и профессиональных практик влияет на производство и утрату ценности исторической деревянной застройки. Деревянные дома рассматриваются не как статичные объекты, а как «события»: здания рассматриваются как достижения разнообразных сетей ассоциаций, которые собирают акторы. Время в этих процессах выступает не как нейтральный фон, а как элемент, участвующий в стабилизации или разрушении зданий. Статья демонстрирует, что работа времени, выражающаяся в старении материала, может как разрушать здания, так и сохранять, усиливая их историческую ценность в зависимости от способности акторов синхронизировать свои темпоральные практики с темпоральностью материала и привлечь время в свой альянс. Статья раскрывает ключевую роль времени и материала в реставрационных практиках и предлагает новое понимание городских политик наследия через взаимодействие темпоральностей, материала и социальных акторов.

Ключевые слова: деревянная архитектура, историческая ценность, темпоральность, время, материальность

Цитирование: Чернышева Л. А. (2025) В альянсе со временем: политики сохранения исторической деревянной застройки в российских городах. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (3): 449–464.

Любовь Алексеевна Чернышева — к.социол.н.; PhD in Sociology, ст.н.с., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: L.a.chernysheva@gmail.com

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-3-449-464

Введение

Текст посвящен политической роли дерева — материала, из которого построены дома в исторических центрах российских городов — в процессах городского развития. Долгое время деревянные дома становились предметом городских конфликтов и воспринимались как низкокачественное жилье, подлежащее сносу для капитализации городской земли. В последние годы происходит переоценка деревянного наследия: «гнилушки» превращаются в «ценные» городские объекты (Чернышева, Хохлова 2021). В городах, на основе действующего законодательства (ФЗ 2002; 2022; Постановление 2017), появляются децентрализованные инициативы реставрации кварталов и отдельных построек. Эти инициативы реализуются как муниципальными и коммерческими структурами, так и независимыми командами, например волонтерами фестиваля «Том Соьер Фест» (Бахарева, Садова 2021; Тыканова, Хохлова 2025).

В отличие от исследований, которые рассматривают процессы присвоения исторической ценности деревянному зодчеству и фокусируются на работе вовлеченных акторов (Kalakoski et al. 2020), я обращаюсь к тому, какую роль в этих процессах играет материал — дерево. Такой ракурс позволяет по-новому взглянуть на городские политические процессы и альянсы (Yaneva 2017), а именно — рассмотреть роль времени и темпоральности профессиональных практик в политиках реставрации деревянных домов.

Для анализа этих процессов я опираюсь на данные 35 полуструктурированных интервью, проведенных в Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме в 2024 г., где рассматриваю по три кейса, различающиеся исходами: в одних случаях деревянные дома были утрачены, в других сохранены и в разной степени трансформированы и адаптированы к новым функциям. Для каждого случая отобраны информанты, вовлеченные во взаимодействия по поводу сохранения деревянных домов и кварталов — в числе информантов историки (6 интервью), реставраторы (3), меценаты и частные инвесторы (3), градозащитники и активисты (7), чиновники (5), организаторы инициатив по сохранению деревянных домов (7), а также жители домов (4). Собранные интервью подвергнуты открытому кодированию в программе *ATLAS.ti*.

Цель статьи — показать, какую роль играет время в проектах сохранения деревянного наследия. Вместо того, чтобы рассматривать время как фон или объективную характеристику «историчности», я показываю, как оно становится участником различных альянсов, влияющих на решения городских властей, распределение ресурсов и ответственность за сохранение или утрату деревянных домов.

Нестабильные здания

Современные исследователи архитектуры рассматривают здания не как изолированные объекты, а как социотехнические артефакты — «зеркала» социальных процессов, отражающее культурные установки архитекторов, заказчиков и городских сообществ (см. обзор: Yaneva 2017). В этом подходе внимание переносится с самих зданий на процессы их создания: на работу архитекторов, заказчиков, рынков и городских институтов, которые определяют, каким будет дом и почему он появляется именно так. Вслед за другими исследователями, я исхожу из иной логики. Если сместить фокус на сами здания, их элементы и материалы, можно увидеть их способность устанавливать и переопределять связи и альянсы между городскими акторами в процессах проектирования, строительства и эксплуатации — а значит, способность быть политическими объектами (Yaneva 2017; Winner 1980). Политика в этом случае представляет собой процесс «собираения» разнородных элементов (в т. ч. людей, объектов, идей, интересов) вокруг вопросов, вызывающих споры в рамках создания общего мира (Latour, 2007). Политическое не задается извне, но проявляется в практиках проектирования, строительства, реставрации и использования здания.

Такой подход ломает представление об архитектуре как о полностью управляемом человеком процессе. Здание не является «контейнером», в который архитекторы закладывают определенные ограничения и возможности (Jacobs 2006). Конструкции и материалы обладают собственной агентностью и непредсказуемостью, с которой специалисты вынуждены считаться. Работая с архитектурным объектом, они, по выражению А. Яневой, вступают в «перформативные танцы агентности» (Yaneva 2017: 30): экспериментируют с материалами, тестируют, наблюдают, моделируют и гибко реагируют на ситуацию, меняя свои планы и создавая новые альянсы с другими акторами. Здания становятся «онтологическими театрами» (Yaneva 2017) — сценами, где разворачиваются взаимодействия людей, материалов и технологий.

Метафора танца — движения, подстраивания, происходящего во времени и синхронизирующего участников в их взаимодействии — подводит к процессуальному пониманию архитектуры, которое фиксируют понятия «архитектура в процессе создания» (*architecture in the making*) (Yaneva 2017) и «здание как событие» (*building event*) (Jacobs 2006) — «уникальный ассамбляж действий по определению времени и пространства, которые (не) приводят к появлению здания» (Jacobs 2006: 26). Это понятие центральное для последующего анализа: в нем я понимаю материальность здания как достижение разнообразных сетей ассоциаций, которые собирают акторы, участвующие в работе со зданием. Изменчивость сетей приводит к тому, что здание никогда не находится в состоянии покоя, но постоянно оказывается в процессах создания и разрушения (Jacobs, 2006: 12). В этих

процессах, кроме архитекторов, участвуют также жители, которые обустроивают и ежедневно поддерживают свои домохозяйства (Bouzarovski 2009), животные (Edensor 2011), туристы (Kraftl 2010), а также акторы строительной индустрии (Gottschling 2018). Фокус исследования смещается на работу, которую выполняют разные акторы, материалы и технологии, чтобы существовать в качестве альянса и поддерживать здание или разрушать его, производить его ценность, музейность, аутентичность или же аварийность и ветхость, превращая в руину.

Подобный подход позволяет увидеть политическую роль архитектуры в городских процессах и по-новому рассмотреть феномен «исторических», «ценных» зданий и практики работы с ними — реставрацию, реконструкцию и ремонт. Социологические подходы к наследию критически настроены к понимаю ценности как неотъемлемого свойства здания и склонны фокусироваться на том, как наследие конструируется вовлеченными акторами, а ценность — присваивается в процессах работы со зданиями (Jones 2010; Kalakoski et al. 2020). Рассмотрение здания как динамично меняющегося ансамбля элементов позволяет шагнуть дальше и увидеть не только вовлеченных в производство ценности акторов, но и то, как конкретные материальные конфигурации превращают «руину» в «памятник» или «музей» (Yaneva 2008), а жилой дом — в аварийную «гнилушку».

Время и архитектура как процесс

Концепция «здание как событие» предлагает рассматривать архитектуру не как статичную форму, а как процесс, происходящий во времени. Здание постоянно меняется: теряет или приобретает функции, разрушается, восстанавливается, получает новые значения. Церковь может стать руиной, а затем — музеем; жилой дом — аварийным, а потом — объектом наследия. Такой подход позволяет увидеть архитектуру во времени, но при этом само время нередко остается на периферии анализа. Авторы, работающие в этой традиции, описывают социальные и материальные изменения зданий, но редко показывают, как именно действует время. Например, в тексте С. Бузаровски оно проявляется через исторические эпохи — войну, постсоциалистический переход, модернизацию — которые определяют политические и экономические условия существования зданий (Bouzarovski 2009). Однако само время остается фоном, а не активным участником процессов достижения материальной устойчивости здания. Похожим образом А. Янева, анализируя реставрацию здания, подчеркивает значимость темпоральности в анализе архитектуры, однако же оставляет время если не в пассивной, то во второстепенной роли (Yaneva 2008). В отличие от них, Т. Эдensor уделяет больше внимания времени и темпоральности в анализе реставрации (Edensor 2011). В его тексте время проявляется в используемых материалах, подверженных изменению в силу погодных, биологических факторов, а также

человеческих действий. Темпоральность также видна в исторических слоях, к которым обращаются специалисты, и в эстетических решениях, определяющих выбор техник и приемов работы с материалом. Меняющиеся методы реставрации создают напряжение между аутентичностью и современностью, заставляя участников заново определять, что считать подлинным.

Продолжая этот подход, я сделаю еще больший акцент на роли времени в производстве ценности деревянных домов — в их сохранении и разрушении. Я полагаю, что категория времени должна быть явно выражена в анализе «здания как события», особенно когда речь идет о практиках реставрации, где работа с историей и временем становится одной из ключевых задач (Jones, Yarrow 2013; Macdonald 2013). В разных контекстах время проявляется по-разному. Оно течет неравномерно — в каждой эпохе с разной скоростью и ритмом (Hassan 2009). В разных институциональных средах сосуществуют множественные формы времени, каждая из которых определяет свой порядок действий и взаимодействий (Glennie, Thrift 1996). Время структурирует социальные практики (Urry 2009), в том числе реставрационные, где прошлое, настоящее и будущее переплетаются и взаимно влияют друг на друга (Fincher et al. 2014). Время определяет изменения материалов, будучи неотъемлемой их частью (Ingold 2012). Оно совершает собственную работу, участвуя в достижении социальных эффектов и становясь достижением различных альянсов (Wajcman, Dodd 2016). Таким образом, время не просто сопровождает действия акторов, но становится силой, которая участвует в производстве исторической ценности и сохранении деревянных домов или в их обесценивании и разрушении.

В альянсе со временем: производство ценности деревянной застройки

В середине XX в. дерево, как основа строительства в городах, уступило место бетону. Новый материал ассоциировался с идеей «современности» и надеждой на лучшее будущее (Halauniova 2022). На этом фоне дерево стало восприниматься как признак «деревенского», устаревшего образа жизни, не соответствующего стандартам комфорта и требованиям «современности» (Kalakoski et al. 2020). Такое противопоставление обесценило деревянную застройку и обусловило ее массовую замену бетонными домами. В нулевые и десятые годы XXI в. в российских городах процесс сноса деревянных кварталов продолжился. В публичном дискурсе закрепился образ «гнилушки» — ветхого, непрактичного дома, подлежащего сносу из-за «низкого качества» материала (DK.RU 2020; RBC 2016; BBC Russian 2016). Хотя градозащитники и специалисты по работе с наследием обосновывали ценность отдельных объектов деревянного зодчества, разговоры о сохранении занимали в публичном пространстве куда меньше места, чем о развитии города и сносе старого деревянного жилья.

Один из ключевых факторов, обесценивающих деревянную застройку — это время. Сочетаясь с отсутствием практик заботы о домах, оно выступает центральным актором, когда речь идет о потере эстетической привлекательности или разрушении: *«Если ты 50 лет не будешь умыться, ты как будешь выглядеть? <...> Ну и вот этот дом — его 50 лет никто не красил, не чистил»* (активист 1, Н. Новгород). Представление о том, что такие дома требуют постоянных трудозатрат, также снижает их ценность в глазах жителей. Информанты так пересказывали логику горожан: *«Мне не нужна ваша деревянная вагонка. Потому что ее надо будет красить через два года или через три»* (сотрудник музея, Тотьма). Используя эту логику, городские чиновники фактически делают время союзником в процессе обесценивания. Через категорию ветхого жилья, обесценивающую и саму постройку, и потенциальные усилия по ее поддержанию, они подготавливают здания к редевелопменту и включению в процессы капитализации городской земли (Филип, Глазков 2024).

Специалисты по сохранению наследия выстраивают со временем иной тип отношений. Вместо того чтобы рассматривать его как разрушительную силу, они соединяют время с другими элементами городской среды, усиливая ценность деревянной застройки, которая, по их словам, *«определяет историческое лицо города»* (историк 1, Н. Новгород). Эта ценность прежде всего эстетическая: *«Просто вот ты идешь и просто смотришь на красоту»* (градозащитник, Н. Новгород). Ее создают и тонкость работы мастеров — резьба, оформление наличников, декоративные элементы, — и сам материал: *«Бревенчатая стена — это же круто, это интересно, это прикольно, [когда] текстура деревянная видна»* (активист 1, Н. Новгород).

Для специалистов деревянные дома — это противоположность массовому жилью, *«безликим коробкам»* (градозащитник, Н. Новгород). Чем меньше таких зданий остается, тем выше их ценность, даже *«не самые шикарные особняки, которые были в [городе]»* становятся значимыми (сотрудник проекта сохранения домов, Н. Новгород). Эти дома *«отличают [город] от других городов»* и формируют его индивидуальность (организатор проекта реставрации, Н. Новгород). В их восприятии деревянный дом связан не только с визуальной красотой, но и с телесным, чувственным опытом. Он *«бросается в первую очередь в нос»* (историк 2, Н. Новгород), потому что дерево имеет свой запах, *«дышит»* и делает пространство комфортным для жизни и работы (организатор проекта реставрации, Тотьма).

Чтобы эти элементы придали зданию статус действительно исторически ценного, нужен еще один компонент — время. Именно время позволяет зданиям «нарастить» слои, связанные с разными историческими эпохами, и превратиться в хранилища городской памяти. Дом становится местом, где можно увидеть следы прежней жизни и почувствовать связь с ее обитателями и их повседневностью: *«Когда ты ощущаешь связь между вещью и домом — это подлинное... ты понимаешь, кто здесь жил,*

что это ценность» (историк 1, Н. Новгород). Значимость времени видна и в названии проектов сохранения домов — например, фестиваль исторических домов в Тотьме символично называется «*Для тех, кому за 150*», подчеркивая возраст зданий как часть их ценности. Экскурсоводы и инвесторы нередко представляют дома через их «возрастной статус» — как «*самый старый дом в городе*» (инвестор, Тотьма) — или демонстрируют сертификаты, подтверждающие дату постройки и возраст древесины под штукатуркой. Особенно ясно работа времени проявляется в профессиональных дискуссиях о том, что считать подлинным. Оценки специалистов и жителей касаются прежде всего аутентичности материала, из которого выполнен дом, и того, насколько видимыми остаются следы времени на его поверхности.

В Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме можно встретить разные подходы к обращению с деревянными конструкциями домов. Наиболее нежелательной эксперты признают перестройку здания в кирпиче или камне при сохранении прежнего фасада. Для собственников такой способ кажется прагматичным, для чиновников — законным компромиссом, если дом не имеет статуса объекта культурного наследия (чиновник, Вологда). Однако для экспертов по сохранению подобные решения означают потерю подлинности и ценности. Критика возникает и в тех случаях, когда «деревянность» дома сохраняется, но исходный материал заменяют современными технологиями. В одном из домов Нижнего Новгорода сруб заменили на клееный брус, что по словам искусствоведов, историков и градозащитников стало «*насмешк[ой] над исторической памятью*», «*плев[ком], потому что там [материал] откровенно современный*» (историк 3, Н. Новгород).

Специалисты считают, что использование современного дерева при сохранении формы здания создает «*подделки под старину*», в которых «*особо смысла нету*» (реставратор 1, Н. Новгород). Обновление материала стен, даже при внешнем сохранении деревянности, убивает «дух» дома: «*Если, конечно, мы пришли в дом, который только отреставрирован, там ничего нет. А вот если вы пойдете на [адрес], там, где еще нормально все и не отреставрировано — там, конечно, дух вот этот, исторический, он есть. Это видно, чувствуется, что деревянный дом*» (организатор проекта реставрации, Н. Новгород). Потеря ценности становится особенно ощутимой, когда исчезают элементы внутренней отделки. Петр, собственник квартиры в Тотьме, вспоминает последствия капитального ремонта дома: «*Реально все пропало. И филенчатые двери, и полы вынесли, которые были. Ну, в общем-то, не износить их*».

В то же время специалисты признают, что сохранить деревянный дом без замены части материала невозможно, и «*каждая реставрация уменьшает количество исторического материала и увеличивает количество нового материала*» (реставратор 1, Вологда). Так реставраторы «*заменя[ют] память о том, каким [дом] был создан, на то, каким он, пройдя реставрацию, становится сейчас*» (реставратор 1, Вологда). Проблема заключается в поиске баланса между историческим и новым, поскольку «*нет единой концепции*

реставрации, спасения памятников деревянного зодчества. Если камень там можно залатать, заложить, то здесь всегда возникает вопрос, а что делать? Что делать с гниющими? <...> До какой-то степени можно заменить?» (историк 1, Н. Новгород). Специалисты стремятся искать альянс со временем и подчеркивать его работу в материале, делать ее более видимой, тем самым усиливая ценность. Они оставляют видимыми элементы, покрытые когда-то олифой, потому что *«они от этого со временем приобретают очень красивую серебристую <...> благородную седину»* (сотрудник музея, Тотьма). Различия между старым и новым специалисты усиливают: *«Это новая [досочка]. Она более плотная. А вот эта старая вся, выветрена древесинка. Опять же, задача стоит, чтобы показать [это различие]»* (реставратор 2, Вологда). Чтобы альянс со временем был устойчивым, его работа должна быть видима — даже тогда, когда требования аутентичности и сохранения фасада вынуждают прятать эту работу, например, зашив историческую древесину между обшивкой снаружи и штукатуркой внутри стены. В таких случаях демонстрация фрагмента открытой стены помогает сделать время видимым и снова привлечь его на свою сторону — с таким предложением выступает нижегородский экскурсовод Олег:

Хочется, чтобы при реставрации таких домов у нас сохранялась возможность подглядеть во внутреннюю структуру дома, чтобы люди не верили мне на слово, что этот дом на самом деле деревянный, а чтобы у нас была возможность видеть, как это все делали, и объяснить, зачем.

Таким образом, время не является однозначной силой — ни разрушительной, ни созидательной. Его действие зависит от того, как оно включается в альянсы с другими элементами — материалом, людьми, технологиями — и влияет на то, каким здание становится: руиной, «гнилушкой», подделкой под старину или отреставрированным ценным объектом. Но построение таких альянсов сопряжено со сложностями: вовлеченные акторы живут в разных темпоральностях и по-разному соотносятся со временем.

Время и другие акторы: согласование альянсов

Специалисты, работающие с историческими деревянными зданиями, отмечают, что древесина обладает собственной темпоральностью, которая может плохо согласовываться или даже вступать в конфликт с темпоральностью вовлеченных в сохранение институций и профессионалов. Вологодский реставратор отмечает, что *«дерево — это очень капризный материал»*. Оно продолжает меняться и после того, как становится частью здания: высыхает, деформируется, то есть меняется и меняет свои свойства, будучи уже интегрированным в конструкцию здания. Поэтому, объясняет он, *«за ним, особенно первые 10 лет, нужен уход. <...> Потому что, если ты берешь цельную древесину, ты прекрасно понимаешь, что*

она будет где-то сквозить, где-то ее перекорёбит, и от этого никуда не деться, к этому надо быть готовым» (реставратор 2, Вологда). О несоответствии между временем дерева и временем реставрационных процессов говорит и градозащитница Наталья, сотрудница проекта по сохранению деревянного наследия: «Что мы видим в [доме по адресу] — там просто нарушение технологии — прям сильное, серьезное — работы с деревом. То, что необходимо при работе с деревянными [домами] — нельзя торопиться, это очень долго».

Между тем логика, по которой действуют институты и акторы, вовлеченные в сохранение деревянного наследия, нередко требует «торопиться». Проекты реставрации домов часто реализуются при участии частных инвесторов и компаний, работающих по рыночным правилам. Для них важна скорость и окупаемость проекта, что приводит к конфликту между временем рынка и временем дерева, требующим медленной и внимательной работы. Как отмечает Наталья, именно требования инвестора стали причиной неудачного проекта: «[Дом] отреставрировали за счет инвестора, поэтому быстро. Но тоже, к нему всегда есть вопросы, потому что там евроремонт внутри (смеется)». В этом контексте «евроремонт» означает потерю аутентичности фасада и внутренней отделки, исчезновение ощущения старины и следов работы времени. В профессиональном сообществе, напротив, ценится инвестор, сумевший выйти за рамки рыночной логики и согласовать свою работу с «временем дерева». По его словам, постепенно «стал понимать, что значит сохранить, а не сделать, как говорится, ремонт косметический» (инвестор, Вологда). Этот предприниматель старается действовать в согласии с медленной темпоральностью материала, отвергая логику быстроты и дешевизны, которой, по его словам, следуют многие другие инвесторы.

Специфика темпоральности в работе со старым деревянным домом заключается в ее неопределенности. Она проявляется, во-первых, в тот момент, когда к процессу реставрации подключаются специалисты из академического поля. Историк Павел, работавший в Нижнем Новгороде еще в советское время, описывает столкновение «времени исследования» и «времени рынка»: «Я когда работал в реставрационной мастерской как историк, [...] я не был ограничен во времени. Это тянулось годами — один объект — и можно было досконально [изучить]. Сейчас это невозможно». При этом подчеркивает, что «исследование с началом реставрации не заканчивается: работа на памятнике — она дает очень много, открывает <...> какие-то моменты, которые не отражены даже в источниках архивных».

Во-вторых, исследовательское измерение возникает и в работе реставраторов, когда они сталкиваются с материальностью здания. В этот момент здание может преподнести сюрприз (Yaneva 2008), создавая неопределенность в отношении требуемых ресурсов и сроков. Так, один из вологодских инвесторов рассказывает:

Когда стали снимать обшивку, получается, там крыша очень сложная, и вода затекала под вагонку. <...> То есть на лицо все хорошо, все как будто цельно. А там грибок, плесень, все труха. И пришлось полностью разбирать этот дом. <...> И сложно угадать, даже реставраторы говорят, что это невозможно (инвестор, Вологда).

Темпоральность дерева, исследовательской и реставрационной работы часто вступает в конфликт со временем бюрократических структур. Следуя установленным процедурам, чиновники нередко позволяют времени работать против сохранения, в альянсе с теми, в чьих интересах снос здания, поскольку сохранения требуется *«слишком много согласований»*, и *«развивается слишком, слишком долго. И у меня памятники быстрее гниют, чем мы разбираемся [с бюрократией]»* (организатор проекта реставрации, Н. Новгород). В других случаях бюрократический аппарат, напротив, мобилизуется и требует от участников процесса резкого ускорения, что также плохо соотносится с ритмами их работы и внутренней темпоральностью дерева. Подобные ситуации возникают, например, в связи с юбилеями городов, когда к празднованию у областных и городских администраций появляются дополнительные ресурсы и обязательства. Губернаторы и мэры устанавливают жесткие сроки, не согласуясь с логикой сохранения: *«Им все хочется сделать быстрее, им нужны быстрые эффекты, а реставрация быстро не бывает»* (организатор проекта реставрации, Н. Новгород). Бюрократические циклы, включая грантовые программы, создают аналогичные трудности. Требование «освоить бюджет в течение года» вступает в противоречие с реальной длительностью реставрационных процессов: *«[Подрядчики] говорят: за это [время] не делается реставрация — и не идут к нам»* (организатор проекта реставрации, Н. Новгород).

Наконец, в процессах сохранения деревянного наследия присутствуют и другие участники — жители домов и городская публика. Для них темпоральность реставрационных проектов также оказывается проблематичной. Во-первых, она плохо сочетается с повседневным бытовым временем: работа с домами связана с шумом, пылью и общим дискомфортом. Организаторка фестиваля «Том Соьер Фест» отмечает, что многие жильцы ожидают *«бригад[у], которая сейчас придет, все по-быстрому почистит-покрасит, не будет шуметь»*, тогда как на практике работа может растягиваться на несколько лет (активист, Вологда). Во-вторых, длительность проектов сохранения деревянной застройки приводит к тому, что здания на годы «выключаются» из городской жизни, ожидая реставрации, инвестора или нового функционального наполнения: *«Пять лет прошло! Где этот креативный бизнес, который должен занять эти деревянные дома?»* (историк архитектуры, Н. Новгород).

Таким образом, задача сохранения деревянного наследия заключается не только в создании альянса, способного привлечь время на свою сторону, но и в том, чтобы согласовать различные альянсы со временем, которые

акторы уже выстроили в своей работе. От успеха такого согласования в конечном счете будет зависеть оценка исторической ценности деревянных объектов и судьба конкретных зданий.

Заключение

Длительное время здания не рассматривали как участников процессов сохранения наследия (Yaneva 2008). Их представляли законченными, статичными объектами, вокруг которых разворачиваются социальные процессы — холстом, отражающим профессиональные и публичные дискурсы (Jacobs 2006). Присоединяясь к критикам такого подхода, я исходила из того, что здания нельзя рассматривать как завершенные и неизменные объекты: они подвижны и гибки, вовлечены в постоянные процессы преобразования. Рассматривая исторические деревянные дома как «события», я показала, что они существуют в постоянном процессе изменений, где разные акторы участвуют в их стабилизации или разрушении. При этом особое внимание я уделила времени как ключевому участнику этих процессов и элементу городских политик наследия.

Как замечает Ингольд, «материалы не существуют во времени; они — воплощение времени как такового» (Ingold 2012: 439). В тексте, раскрывая политики сохранения деревянной застройки в городах, я сделала акцент на материале — дереве, — и показала его темпоральные аспекты, демонстрируя, как материал и практики обращения с ним воплощают в себе время, сотрудничают или конфликтуют. Через рассказы реставраторов, историков и градозащитников я проследила, как время становится частью их профессиональных решений и влияет на выбор подходов к сохранению наследия. Время, воплощенное в старении материала, не создает ценность здания само по себе. Время разрушает, когда в альянсе с ним оказывается отсутствие должного ухода за зданием и ресурсов для его поддержания, а также акторы и институты, которые не могут согласовать свою темпоральность с темпоральностью материала — старой или новой древесины. Но время становится и союзником сохранения, когда в альянс с ним вступают историческое исследование, практики реставрации и бюрократическое сопровождение проекта сохранения, которые сочетаются темпорально с особенностями материала. При этом время воздействует на историческую ценность, если проект создает возможность визуализации работы времени, которая формирует особую эстетику или «дух» старины.

Однако привлечь время на свою сторону недостаточно, чтобы запустить процесс сохранения или разрушения. Особой сложностью для участников является согласование отношений со временем, которые они устанавливают в рамках своих профессиональных практик. Бюрократическая и инвестиционная логика могут вступать в конфликт с «временем дерева» и ритмом реставрации, создавая риски утраты ценности. Поэтому

акторы вынуждены вступать в альянсы со временем — договариваться, ускорять или замедлять процессы — чтобы достичь нужных им эффектов производства ценности или обесценивания.

Таким образом, через анализ материальности и способов обращения с деревянной архитектурой я показала, как различные городские акторы реализуют политики наследия, меняя город и участвуя в формировании общего мира (Latour 2007). Такой подход представляет еще одну перспективу рассмотрения городской социальной политики и открывает возможность дальнейшего анализа управления городским наследием через фокус на «спорных» материальных объектах, вокруг которых собираются гетерогенные сети, по-разному задействующие темпоральность материала. Представленный анализ подсвечивает вопрос согласования «времен» и обращает внимание на то, что в разработке, реализации и анализе городских политик сохранения исторических кварталов стоит обращать внимание на темпоральности вовлеченных акторов, поскольку рассинхронизация и слабая координация этих темпоральностей может становиться серьезным препятствием к сохранению наследия даже в том случае, когда акторы в нем заинтересованы.

Выражение признательности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01093, <https://rscf.ru/project/24–28–01093>

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Материалы для анализа

BBC Russian (2016) *Мрачная Архангельская: безысходность в отдельно взятой области*. Доступно по ссылке: <https://www.bbc.com/russian/features-37312848> (дата обращения: 15 октября 2024).

DK.RU (2020) *«Гнилушки» уйдут в историю? В центре Нижнего Новгорода снесут неприглядные аварийные дома*. Доступно по ссылке: <https://nn.dk.ru/news/237145298> (дата обращения: 15 октября 2024).

RBC Нижний Новгород (2016) *Владельцы домов в центре должны заботиться о них*. Доступно по ссылке: <https://nn.rbc.ru/nn/13/12/2016/584fa08f9a7947a214c75571> (дата обращения: 15 октября 2024).

Постановление Правительства РФ (2017) *О федеральной целевой программе «Рубль за метр»*, № 1710 от 30.12.2017 (ред. от 05.04.2023).

Федеральный закон (2002) *Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации*, № 73-ФЗ от 25.06.2002.

Федеральный закон (2022) *О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации*, № 365-ФЗ от 14.07.2022.

Список источников

- Бахарева М. А., Садова Е. С. (2021) «Том Сойер Фест» в Вологде: опыт участия горожан в сохранении исторического облика города. *Городские исследования и практики*, 6 (3): 7–21.
- Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2025) «Между мирами»: акторы и противоречия в сохранении городского наследия. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (3): (в печати).
- Филип А. В., Глазков К. П. (2024) Институт аварийности на примере жилищного фонда Перми: неформальные правила и ожидания акторов. *Городские исследования и практики*, 9 (4): 64–81.
- Чернышева Л. А., Хохлова А. М. (2021) Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий. *Журнал исследований социальной политики*, 19 (2): 223–238.
- Bouzarovski S. (2009) Building Events in Inner-City Gdańsk, Poland: Exploring the Socio-spatial Construction of Agency in Built Form. *Environment and Planning D: Society and Space*, 27 (5): Article 5.
- Edensor T. (2011) Entangled Agencies, Material Networks and Repair in a Building Assemblage: The Mutable Stone of St Ann's Church, Manchester. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 36 (2): 238–252.
- Fincher R., Barnett J., Graham S., Hurlimann A. (2014) Time Stories: Making Sense of Futures in Anticipation of Sea-Level Rise. *Geoforum*, (56): 201–210.
- Glennie P., Thrift N. (1996) Reworking E. P. Thompson's 'Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism.' *Time & Society*, 5 (3): 275–299.
- Gottschling P. (2018) Architectural Scripts: Construction Procurement within the User Worlds of Building Events. *Social & Cultural Geography*, 19 (5): 626–646.
- Halauniova A. (2022) Good and Bad Concrete: Fugitive Modern and the Aesthetics of Renovation in Poland. *City*, 26 (1): 28–50.
- Hassan R. (2009) *Empires of Speed: Time and the Acceleration of Politics and Society*. Vol. 4. Leiden: Brill.
- Ingold T. (2012) Toward an Ecology of Materials. *Annual Review of Anthropology*, 41 (1): 427–442.
- Jacobs J. M. (2006) A Geography of Big Things. *Cultural Geographies*, 13 (1): 1–27.
- Jones S. (2010) Negotiating Authentic Objects and Authentic Selves. Beyond the Deconstruction of Authenticity. *Journal of Material Culture*, 15 (2): 181–203.
- Jones S., Yarrow T. (2013) Crafting Authenticity: An Ethnography of Conservation Practice. *Journal of Material Culture*, 18 (1): 3–26.
- Kalagoski I., Huuhka S., Koponen O. P. (2020) From Obscurity to Heritage: Canonisation of the Nordic Wooden Town. *International Journal of Heritage Studies*, 26 (8): 790–805.

- Kraftl P. (2010) Architectural Movements, Utopian Moments: (In)Coherent Renderings of the Hundertwasser-Haus, Vienna. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 92 (4): 327–345.
- Latour B. (2007) Turning Around Politics: A Note on Gerard De Vries' Paper. *Social Studies of Science*, 37 (5): 811–820.
- Macdonald S. (2013) Reassembling Nuremberg, Reassembling Heritage. In: T. Bennett, C. Healy (eds.) *Assembling Culture*: London: Routledge: 113–130.
- Urry J. (2009) Speeding Up and Slowing Down. In: H. Rosa, W. E. Scheuerman (eds.) *High-Speed Society: Social Acceleration, Power, and Modernity*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press: 179–198.
- Wajcman J., Dodd N. (eds.) (2016) *The Sociology of Speed: Digital, Organizational, and Social Temporalities*. Oxford: Oxford University Press.
- Winner L. (1980) Do Artifacts Have Politics? *Daedalus*, 109 (1): 121–136.
- Yaneva A. (2008) How Buildings' Surprise': The Renovation of the Alte Aula in Vienna. *Science & Technology Studies*, 21 (1): 8–28.
- Yaneva A. (2017) *Five Ways to Make Architecture Political: An Introduction to the Politics of Design Practice*. London: Bloomsbury Publishing.

Liubov Chernysheva

ALLIANCING WITH TIME: POLITICS OF PRESERVING HISTORIC WOODEN ARCHITECTURE IN RUSSIAN CITIES

This article explores the role of time and material (wood) in the politics of preserving wooden architectural heritage in Russian cities. Based on 35 semi-structured interviews with local officials, activists, historians, restorers, and residents of wooden houses, which were conducted in Nizhny Novgorod, Vologda, and Totma in 2024, the author analyzes how the temporality of material and professional practices influences the production and loss of value in historic wooden neighborhoods. The study shows that wooden houses are not static entities; they are in a constant state of transformation, shaped by material aging and expert interventions. In these processes, time acts not as a neutral background, but as an active element involved in stabilizing or decaying buildings. Through analysing interactions among actors, materials, and temporalities, the article reveals how social differences emerge within urban heritage preservation practices, such as between professional and lay perspectives and between institutional requirements and residents' resources. These differences reflect the broader context of urban social policy, in which attention, labor, and responsibility for preserving the material past are distributed.

Keywords: wooden architecture, historical value, temporality, time, materiality

Citation: Chernysheva L. (2025) V al'yanse so vremenem: politiki sokhraneniya istoricheskoy derevyannoy zastroyki v rossiyskikh gorodakh [In Alliancing with Time: Policies for Preserving Historic Wooden Architecture in Russian Cities]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (2): 433–448.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-3-449-464

References

- Bahareva M. A., Sadova E. S. (2021) 'Tom Sojer Fest' v Vologde: opyt uchastija gorozhan v sohraneni i istoricheskogo oblika goroda ['Tom Sawyer Fest' in Vologda: The Experience of Citizens' Participation in the Preservation of the Historical Image of the City]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Research and Practice], 6 (3): 7–21.
- Bouzarovski S. (2009) Building Events in Inner-City Gdańsk, Poland: Exploring the Sociospatial Construction of Agency in Built Form. *Environment and Planning D: Society and Space*, 27 (5): Article 5.
- Chernysheva L., Khokhlova A. (2021) Sozdavaya tsennost' i autentichnost': gorodskie konflikty vokrug istoricheskikh zdaniy [Creating Value and Authenticity: Urban Conflicts Around Historical Buildings]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 19 (2): 223–238.

Liubov Chernysheva — PhD (Sociol.), Senior Research Fellow, Sociological Institute of the IS FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation. Email: L.a.chernysheva@gmail.com

- Edensor T. (2011) Entangled Agencies, Material Networks and Repair in a Building Assemblage: The Mutable Stone of St Ann's Church, Manchester. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 36 (2): 238–252.
- Filip A. V., Glazkov K. P. (2024) Institut avariynosti na primere zhilishchnogo fonda Permi: neformal'nyye pravila i ozhidaniya aktorov [The Institute of Accidents on the Example of the Perm Housing Stock: Informal Rules and Expectations of Actors]. *Gorodskiy issledovaniya i praktiki* [Urban Research and Practices], 9 (4): 64–81.
- Fincher R., Barnett J., Graham S., Hurlimann A. (2014) Time Stories: Making Sense of Futures in Anticipation of Sea-Level Rise. *Geoforum*, (56): 201–210.
- Glennie P., Thrift N. (1996) Reworking E. P. Thompson's 'Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism.' *Time & Society*, 5 (3): 275–299.
- Gottschling P. (2018) Architectural Scripts: Construction Procurement within the User Worlds of Building Events. *Social & Cultural Geography*, 19 (5): 626–646.
- Halauniova A. (2022) Good and Bad Concrete: Fugitive Modern and the Aesthetics of Renovation in Poland. *City*, 26 (1): 28–50.
- Hassan R. (2009) *Empires of Speed: Time and the Acceleration of Politics and Society*. Vol. 4. Leiden: Brill.
- Ingold T. (2012) Toward an Ecology of Materials. *Annual Review of Anthropology*, 41 (1): 427–442.
- Jacobs J. M. (2006) A Geography of Big Things. *Cultural Geographies*, 13 (1): 1–27.
- Jones S. (2010) Negotiating Authentic Objects and Authentic Selves. Beyond the Deconstruction of Authenticity. *Journal of Material Culture*, 15 (2): 181–203.
- Jones S., Yarrow T. (2013) Crafting Authenticity: An Ethnography of Conservation Practice. *Journal of Material Culture*, 18 (1): 3–26.
- Kalakoski I., Huuhka S., Koponen O. P. (2020) From Obscurity to Heritage: Canonisation of the Nordic Wooden Town. *International Journal of Heritage Studies*, 26 (8): 790–805.
- Kraftl P. (2010) Architectural Movements, Utopian Moments: (In)Coherent Renderings of the Hundertwasser-Haus, Vienna. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 92 (4): 327–345.
- Latour B. (2007) Turning Around Politics: A Note on Gerard De Vries' Paper. *Social Studies of Science*, 37 (5): 811–820.
- Macdonald S. (2013) Reassembling Nuremberg, Reassembling Heritage. In: T. Bennett, C. Healy (eds.) *Assembling Culture*: London: Routledge: 113–130.
- Tykhanova E. V., Khokhlova A. M. (2025) 'Mezhdu mirami': aktory i protivorechiya v sokhraneni gorodskogo naslediya ['Between worlds': Actors and Contradictions in Urban Heritage Preservation]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies], 23 (3): in press.
- Urry J. (2009) Speeding Up and Slowing Down. In: H. Rosa, W. E. Scheuerman (eds.) *High-Speed Society: Social Acceleration, Power, and Modernity*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press: 179–198.
- Wajcman J., Dodd N. (eds.) (2016) *The Sociology of Speed: Digital, Organizational, and Social Temporalities*. Oxford: Oxford University Press.
- Winner L. (1980) Do Artifacts Have Politics? *Daedalus*, 109 (1): 121–136.
- Yaneva A. (2017) *Five Ways to Make Architecture Political: An Introduction to the Politics of Design Practice*. London: Bloomsbury Publishing.
- Yaneva A. (2008) How Buildings' Surprise': The Renovation of the Alte Aula in Vienna. *Science & Technology Studies*, 21 (1): 8–28.